

Нелегким климатическим путем

Большинство постсоветских стран не готово к амбициозным климатическим мерам. Для серьезных подвижек требуется политическая воля.

Ангелина Давыдова | 10.02.2020

Эксперты подтверждают, что пока серьезные разговоры о снижении доли ископаемого топлива в ТЭК не идут

Всемирный экономический форум в Давосе, окончившийся две недели назад, поставил климатическую повестку дня на первое место – как с точки зрения растущих климатических рисков, так и с точки зрения декарбонизации, в том числе дивестиций или отказа от инвестиций в ископаемые ресурсы. Большинство постсоветских стран к подобным решениям и даже риторике пока не готовы. На фоне призывов экологов повысить амбициозность климатических обязательств и задуматься о планах выхода из ископаемого топлива более реальными мерами климатической политики на ближайшее время в регионе могут стать хотя бы развитие возобновляемой энергетики и повышение энергоэффективности, полагают эксперты.

Несмотря на то что все страны региона [ратифицировали](#) Парижское соглашение, климатические цели большинства постсоветских государств вряд ли можно назвать амбициозными. В глобальные [рейтинги](#), анализирующие адекватность целей по снижению выбросов, попадают, как правило, только крупные страны-эмитенты региона.

Причин тому несколько – от существующего энергобаланса, доступности тех или иных видов ископаемых ресурсов до влияния лобби-групп ископаемого топлива, политических систем и систем принятия решений. Изменения происходят довольно медленно. Немало исследований подчеркивают [огромный потенциал](#) стран региона в развитии возобновляемой энергетики, повышении энергоэффективности и в декарбонизации. Однако он не реализуется из-за «политических, финансовых, технических и социальных барьеров... переходящих в высокий уровень риска для инвестиций и высокую стоимость капитала, которые, вместе с ограниченным

доступом к финансам, все дальше отсрочивают энергетический переход».

Исключения все же есть, хотя пока немного. Например, в январе украинское Министерство энергетики и защиты окружающей среды презентовало [Концепцию «зеленого» энергетического перехода до 2050 года](#). Среди целей документа: углеродная нейтральность к 2070 году, уровень возобновляемой энергии (ВИЭ) в 70% в электрогенерации в 2050 году, полный отказ от угольной генерации до 2050 года, снижение атомной генерации до 20-25%. «Если оценивать трезво, то цели, заложенные в Концепцию, недостаточно амбициозны. Часть ВИЭ в электрогенерации в 2050 году предусматривается на уровне 70%, тогда как исследования показывают, что рост возможен до 92%. Декларируемая цель углеродной нейтральности Украины в 2070 году также идет вразрез с целями Парижского соглашения. В то же время сам факт обсуждения стратегических документов подобного рода и заявления о необходимости перехода на ВИЭ не могут не вселять оптимизма. Украинское правительство впервые открыто говорит о полном отказе от угольной генерации. Министерство энергетики и защиты окружающей среды не видит экономической перспективы поддерживать угольную отрасль и строить новые электростанции. Да, поставленная цель – 2050 год – далека от идеала, как того требует борьба с изменением климата, но она может стать отправной точкой дальнейших дискуссий», – комментирует Константин Криницкий, украинский эколог из центра экологических инициатив «Экодия».

Второй пример – также объявленные в конце января [планы Молдовы](#) повысить уровень своих климатических обязательств в рамках Парижского соглашения до уровня минус 70% от уровня 1990 года к 2030 году (с 1990 по 2016 год эмиссия парниковых газов в стране уже снизились на 68%, главным образом из-за экономического спада и изменения структуры экономики).

Если признание климатической проблемы в последнее время и потенциального ущерба от климатических рисков во всех странах региона – уже факт, то о серьезных намерениях снизить выбросы и декарбонизировать экономику говорить пока рано

Отметим, что официальные заявления не всегда равны результатам и достижениям. При этом для серьезных подвижек как на уровне заявлений, стратегий и целей, так и на уровне их реализации во всех странах региона требуется «политическая воля». И если признание климатической проблемы в последнее время и потенциального ущерба от климатических рисков во всех странах региона – уже факт, то о серьезных намерениях снизить выбросы и декарбонизировать экономику говорить пока рано.

Международное сообщество и экологи продолжают призывать правительства стран региона к более амбициозным мерам. Так, к очередному климатическому саммиту ООН, проходившему в Мадриде в декабре 2019 года, российские неправительственные организации и общественные объединения приняли специальное [заявление](#), в котором они, в частности, призывают Россию «пересмотреть цель снижения выбросов парниковых газов на 2030 год: принять цель снижения до уровня 50% от 1990 года без учета поглощения лесами, отдельную цель по поглощению углерода лесными экосистемами и водно-болотными угодьями, национальную стратегию низкоуглеродного развития до 2050 года, включающую сценарий потепления планеты на 1,5 °С. «Стратегия должна соответствовать глобальному экологическому переходу на безуглеродную энергетику к середине XXI века, предусматривать скорейший уход от использования угля и в перспективе снижение зависимости от всех видов ископаемого топлива и не должна включать увеличение доли АЭС и крупных плотинных ГЭС в энергобалансе страны», – говорится в заявлении экологов. Активисты российского отделения Fridays for Future во время [недавней встречи](#) со специальным

представителем российского президента по вопросам климата Русланом Эдельгериевым также призывали повысить амбициозность российских климатических целей и мер климатической политики.

Между тем экономико-политическая реальность может внести в эти планы свои коррективы. Так, на площадке Торгово-промышленной палаты РФ до сих пор проходят мероприятия, где **выступают эксперты**, сомневающиеся в целесообразности присоединения к Парижскому соглашению (что произошло, напомним, в сентябре минувшего года) и обвиняющие западные страны в экологическом давлении и «углеродном» шантаже России, а также призывающие не принимать серьезных мер углеродного регулирования или мер по декарбонизации.

Одновременно с этим направленная в правительство **«Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»** также предполагает увеличение производства сжиженного природного газа и добычи нефти в Арктической зоне.

Большая часть экспертов подтверждает, что РФ пока не намерена снижать долю ископаемого топлива в ТЭК России. Максимум – развивать ВИЭ, особенно в отдаленных районах, гидро-, атомную и водородную энергетику, но не выводить инвестиции из проектов ископаемого топлива.

Вопрос инвестиций в ископаемое топливо – это вопрос квалификации менеджмента сырьевых компаний и их честности с акционерами и советами директоров

«Государство напрямую не инвестирует в ископаемое топливо. Государство только определяет политику через директивы и назначения в советах директоров контролируемых компаний, а также раздает налоговые льготы или не раздает. Мне кажется, здесь вопрос инвестиций в ископаемое топливо – это вопрос квалификации менеджмента сырьевых компаний и их честности с акционерами и советами директоров. Менеджмент просчитывает (или нет) окупаемость проектов с учетом рисков. Если риски введения углеродного налога или импортной пошлины на российское сырье повышаются с каждым днем, то расчет окупаемости таких инвестиций с учетом всех рисков находится в компетенции тех, кто такие расчеты готовит», – размышляет директор Исследовательского центра энергетической политики (ИЦ ЭНЕРПО) Европейского университета в Санкт-Петербурге Максим Титов.

Недавний пример тому – избавление от угольных активов «Иркутскэнерго» (компании под контролем группы EN+). «Помимо «Иркутскэнерго» к сокращению присутствия в традиционной генерации стремится и финский энергоконцерн Fortum. «Энел Россия» (подконтрольная итальянской Enel) до конца 2020 года должна **закреть сделку по продаже СУЭК** крупнейшей в РФ угольной Рефтинской ГРЭС (3,8 ГВт), тем самым компания также постепенно очищает свой портфель в РФ, отказываясь от генерации на угле и параллельно наращивая объемы зеленой генерации».

В связи с этим многие аналитики полагают, что надо поддерживать и стимулировать хотя бы малые шаги на пути декарбонизации в странах региона, включая так называемые низковисящие фрукты – проекты и направления, приносящие быстрые и осязаемые результаты.

«В Казахстане в последние годы удалось сдвинуть с мертвой точки строительство и ввод в эксплуатацию ветровых и солнечных электростанций, в основном это крупные установки мощностью около 50 МВт. Сейчас доля возобновляемых источников энергии, включая малые ГЭС, составляет около 1,75%. Ввод новых объектов теплоэнергетики, работающих на сжигании угля,

практически прекратился, но вывод из эксплуатации установок, работающих на ископаемом топливе, не происходит. Существенный прогресс наблюдается в газификации частного сектора, что приводит к снижению потребления жидкого топлива и позволяет постепенно снижать потребление угля в энергетике. Согласно данным национальной инвентаризации парниковых газов, выбросы CO₂ в 2017 году составили 152,3 млн т, что меньше уровня 1990 года на 13%. В этом году планируется разработка Стратегии низкоуглеродного развития, которая должна будет конкретизировать планы по отказу страны от ископаемого топлива. Но пока неясен статус будущего документа с точки зрения обязательности исполнения. Можно сказать, что необходимость развития ВИЭ и тем более энергоэффективности признается, но планы по отказу от ископаемого топлива остаются неопределенными», – комментирует председатель Экофорума общественных организаций Казахстана Вадим Ни.

Максим Титов также подчеркивает важность развития ВИЭ и повышения энергоэффективности для России. «Объем инвестиций в ВИЭ оценивается Ассоциацией развития возобновляемой энергетики в 800 млрд руб. Развитие сегмента ВИЭ создает рабочие места, повышает энергобезопасность, позволяет планировать диверсификацию экспорта в будущем и, конечно, является частью плана декарбонизации. Что касается энергоэффективности, то по данным Минэкономки, энергоемкость российской экономики не снижается уже четыре года. План по снижению энергоемкости на 40% к 2020 году не выполнен, нынешними темпами мы достигнем этой отметки только к 2043 году. Значительный потенциал энергосбережения российской экономики в случае его реализации даст возможность сократить постоянные затраты на энергоресурсы, снизить зависимость бизнеса и домохозяйств от роста тарифов, озеленить баланс потребляемой энергии и наконец снизить выбросы CO₂. Сроки окупаемости по энергоэффективным проектам для сегмента малого и среднего бизнеса составляют три-четыре года, это очень хорошие инвестиции. Жилой сектор требует немедленных мер по повышению энергоэффективности. Вот чем, мне кажется, нужно заниматься в рамках государственной политики по декарбонизации в самое ближайшее время».

Более практическое видение вопроса – это более медленное реагирование на климатический кризис, однако именно этот путь может стать более приемлемым для стран региона

Более практическое видение вопроса – это, безусловно, более медленное реагирование на климатический кризис, однако, как подчеркивают эксперты, именно этот путь может стать более приемлемым для стран региона.

Впрочем, не забывая об официальной и бизнес-повестке, важно наблюдать и за конкретными действиями и кампаниями, в том числе на местном уровне, например, на уровне развития ВИЭ в [городах и регионах](#) или на уровне местных сообществ и [инициатив](#) гражданского общества. В конечном итоге именно коллективные и системные действия всех игроков смогут принести наилучшие результаты на пути «зеленой» трансформации экономики, в том числе если конкретные кейсы городов или общественные объединения будут поддерживаться, а приоритеты госполитики (с повышенным уровнем амбиций) – распространяться на все уровни общества и бизнеса.